Лёша Сергеев

Комната без мебели

Лёша Сергеев

Комната без мебели

«Автор»
2026

Сергеев Л.

Комната без мебели / Л. Сергеев — «Автор», 2026

Дима Соловьёв родился таким громким, что соседи стучали по батарее. А в восемь лет научился другому: когда отец занёс руку над матерью, мальчик закричал — и звук исчез. Сначала это казалось спасением. Потом — даром. Тихий подросток, от которого шарахаются одноклассники, обнаруживает, что умеет втягивать в себя чужие голоса, смех, шум. И чем больше он забирает, тем глуше становится сам. Психологическая драма о мальчике, который хотел тишины, — и построил из неё комнату без мебели.

© Сергеев Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Громкий мальчик 5
Глава 2. Восемь лет 6
Конец ознакомительного фрагмента. 8

Лёша Сергеев
Комната без мебели

Глава 1. Громкий мальчик

Дима Соловьёв родился в конце ноября, когда Тверь уже укуталась в серый снег, а окна панельных девятиэтажек светились жёлтым уютом. Мать рассказывала, что он кричал так, что акушерка смеялась: «Ну, этот парень не потеряется». И он не терялся. Никогда.

В детском саду на улице Фрунзе его слышали раньше, чем видели. Воспитательница Нина Петровна, женщина с усталыми глазами и вечным платком на плечах, частенько вздыхала: «Дима, ну сколько можно?» Но в её голосе не было злости — только тихая обречённость человека, который понимает, что с этим ничего не поделаешь. Дима был не просто громким. Он был звуком. Его смех — раскатистый, с заливистым всхлипом на конце — заполнял группу, коридор, лестничную клетку. Он пел песни, которые сам придумывал: про трамвай на проспекте Победы, про голубей у булочной, про то, как здорово, когда папа приходит с работы. Про папу он тогда ещё пел.

В школе, в третьем «Б», учительница Вера Павловна сажала его за последнюю парту, но это не помогало. Он тянул руку так, что чуть не выпрыгивал из-за стола, и отвечал громко, взахлёб, с горящими глазами. На переменах его смех перекрывал гул сотни голосов. Он был тем мальчиком, вокруг которого собирались другие — не потому, что он был сильным или смелым, а потому, что с ним было весело. Он заражал.

Дома, в квартире на четвёртом этаже, где обои пахли пылью и чем-то жареным, он тоже не умолкал. Рассказывал матери про футбол во дворе, про то, как Витька из соседнего подъезда принёс настоящий швейцарский нож, про то, что в столовой давали компот с плавающими мухами. Мать, Ольга Николаевна, слушала его вполуха, помешивая суп, но иногда улыбалась — той редкой, короткой улыбкой, которая появлялась и исчезала, как солнце в ноябре.

Отец, Николай, тогда ещё приходил трезвым. Иногда. Он сажал Диму на колени и говорил: «Ну, рассказывай, что нового, артист». И Дима рассказывал. Он рассказывал так, что отец хохотал, запрокинув голову, и на секунду — на одну короткую секунду — квартира становилась другой. Тёплой. Живой.

Но это было до того, как всё сломалось. До того, как отец начал задерживаться, до того, как в доме появился запах, от которого Дима потом будет вздрагивать всю жизнь. До того, как тишина впервые вошла в его жизнь — не снаружи, а изнутри.

Пока же ему было семь. И он был самым громким мальчиком на улице Фрунзе. Он смеялся так, что соседи стучали по батарее. Он пел в подъезде, и эхо подхватывало его голос, унося вверх, к самому чердаку, где жили голуби и пахло голубятней.

Он ещё не знал, что скоро научится другому. Не петь. Не смеяться.

Забирать.

Но пока что он просто бежал по коридору, обгоняя собственное эхо, и был счастлив.

Глава 2. Восемь лет

Ему было восемь, когда отец впервые ударил мать.

Это случилось в марте, когда снег на улице Фрунзе стал рыхлым и грязным, а с крыш свисали сосульки, похожие на мутные зубья. Дима сидел на полу в своей комнате, собирал пазл с динозаврами — тираннозавр, трицератопс, какой-то длинношеий, название которого он всё время забывал. За окном гавкала собака. По телевизору в зале бормотали новости.

Потом хлопнула входная дверь.

Он не сразу понял, что что-то не так. Отец часто приходил поздно, часто шумел в прихожей, ронял ботинки, чертыхался. Но в этот раз было другое. Была какая-то тяжёлая, вязкая тишина — та самая, которая бывает перед грозой, когда воздух становится плотным, как вата. Дима замер с кусочком пазла в руке. Динозавр не складывался.

Из кухни донёсся голос матери — тихий, осторожный: «Коля, ну сколько можно?» И тут же — резкий, как удар хлыста, ответ отца. Слова он не разобрал, но интонацию запомнил навсегда. В ней не было ничего человеческого.

Потом что-то упало. Тяжёлое. Стеклянное.

Дима встал. Ноги были ватными. Он подошёл к двери своей комнаты и приоткрыл её. В коридоре было темно — только из кухни пробивалась полоса жёлтого света. В этой полосе он увидел мать. Она стояла, прижавшись спиной к холодильнику, и держалась за щёку. На её губе блестело что-то тёмное.

Отец стоял напротив. В одной руке у него была бутылка — пустая, с отбитым горлышком. В другой — ничего. Пока ничего.

«Ты меня доводишь», — сказал он. Голос был ровный, почти спокойный. Именно это спокойствие было самым страшным.

Дима не помнил, как оказался на кухне. Помнил только, что кричал. Кричал так, как никогда в жизни — не от страха, нет. От чего-то другого. От чего-то, что поднималось из живота, из самого центра его существа, где жил весь тот смех, все те песни, весь тот шум, которым он заполнял мир.

И мир ответил тишиной.

Крик оборвался — не потому, что Дима замолчал, а потому что звук исчез. В комнате стало тихо. Так тихо, что стало слышно, как капает вода из крана. Как тикают часы на стене. Как дышит отец — тяжело, с хрипом.

Николай замер. Бутылка дрогнула в его руке. Он посмотрел на Диму так, словно видел его впервые. Потом тряхнул головой, как собака, отгоняющая муху, и шагнул к матери.

Дима снова закричал. И снова — тишина. На этот раз отец выронил бутылку. Она не разбилась — упала на линолеум с глухим стуком. Николай попятился, глядя на сына круглыми, ничего не понимающими глазами. Потом развернулся и вышел из кухни. Хлопнула дверь. В замке повернулся ключ.

Мать сползла по холодильнику на пол и заплакала — беззвучно, только плечи тряслись. Дима стоял в дверях, и в ушах у него звенело. Он не понимал, что произошло. Он не понимал, почему отец ушёл. Он не понимал, почему мать плачет так тихо.

Он подошёл к ней и обнял. Она вздрогнула, потом прижала его к себе. От неё пахло борщом и чем-то ещё — металлическим, солёным.

«Ты у меня самый лучший», — прошептала она. Голос был хриплый, как будто она долго кричала. Хотя она не кричала. Кричал он.

В ту ночь Дима долго не мог уснуть. Он лежал в постели, слушал, как мать ходит по квартире — тихо, на цыпочках, — и думал о том, что произошло. Он не чувствовал себя

героем. Он чувствовал только странную, тяжёлую пустоту в груди. Как будто что-то оттуда вынули. Или наоборот — что-то туда положили. Что-то, что не должно было там быть.

Он не знал, что это. Пока не знал.

Но с той ночи тишина стала приходить чаще.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.